

УДК 821.511.113

**СОВРЕМЕННАЯ ЭСТОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА**

Е. Н. Васильева

Тверской государственный университет
кафедра международных отношений

В статье рассматриваются актуальные проблемы современной эстонской литературы, определяются перспективы ее развития. Большое внимание уделяется вопросу влияния советской на национальные литературы. Говоря о художественной практике, автор обращается к анализу ряда произведений одного из самых известных эстонских авторов Э. Ветемаа.
Ключевые слова: *многонациональная советская литература, глобализация, коммерциализация, культуры Запада и Востока, своеобразие эстонской литературы.*

С распадом в 1991 году Советского Союза распалась и некогда единая многонациональная советская литература. Появились самостоятельные независимые государства и изолированные национальные культуры. В Эстонии это привело к перемене национально-культурной ориентации – теперь она вновь обернулась *лицом на Запад*. По объяснимым причинам это повлекло за собой и *отталкивание* (не только в экономике, но и в культуре) от *восточного соседа*, что сказалось незамедлительно на книгоиздательском рынке – очень резко упала «переводимость» и рецепция русской литературы, уступив первенство англоязычной. Внутри самой республики эстонская и местная русская литература с тех пор ведут каждая самостоятельное существование.

Справедливости ради следует отметить, что и в России резко упал интерес к эстонской литературе. Если в 60 – 80-х годах XX века эстонская литература (в первую очередь проза) переживала своеобразный бум в общесоюзном восприятии, ее переводы на русский язык выходили тиражами в десятки тысяч экземпляров (произведения Я. Кросса, Э. Безкмана, Э. Смуула и других эстонских писателей), то теперь картина резко перевернулась. И дело, думается, не только в политических причинах (хотя сбрасывать их со счетов, конечно, нельзя – влияет и климат наших межгосударственных отношений, и погранично-визовый режим, осложняющий книжный и информационный обмен между двумя странами, и многое другое). Нам представляется, что в условиях плюрализма и избытка нынешнего российского книжного рынка интерес к переводу и изданию литератур бывших союзных республик стал просто невыгоден в коммерческом отношении. С другой же стороны, если в условиях советской системы (даже еще в 1980-х годах) прибалтийский, и особенно эстонский, литературный плюрализм и модернизм (та же «Эстонская молодая проза», произведения Э. Ветемаа, М. Унта, А. Валтона и других)

оказывался и для критиков, и для читателей интеллектуального склада своеобразной отдушиной, выходом из тесных рамок соцреализма, по-своему даже посредником новейших западных влияний, то в 1990-х годах из-за отмены идеологической цензуры и широкого проникновения в Россию всех богатств мирового книжного рынка нужда в таком посреднике просто отпала. Думается, не только эстонская, но и многие другие литературы постсоциалистических стран оказались сегодня в ситуации, которая определяется такими полярными понятиями, как *национальная самобытность – глобализация, эстетическая ценность – рыночная конкуренция*. А это не может не влиять и на складывающуюся картину их межнациональных литературных отношений.

Говоря о «наследстве, от которого мы не отказываемся», отметим и такой важный фактор нашего бывшего литературного сотрудничества, как всесоюзная рецепция достижений национальных литератур. Хотя сегодня очевидными стали и издержки этого восприятия, забывать и тем более игнорировать то положительное, что эта рецепция с собой приносила, было бы все же неразумно. Прежде всего, это касается взаимной информированности о литературах друг друга – теперь же, с исчезновением общесоюзного контекста, эстонцы очень слабо представляют себе, что происходит в литературах даже ближайших соседей – тех же латышей и литовцев, не говоря уже о других.

Что же касается самой эстонской литературы, то можно без преувеличения утверждать: никогда ранее в столь широком масштабе она не выходила за рамки родного языка и не находила столь широкого, заинтересованного и квалифицированного отклика за его пределами, как на общесоюзной арене, особенно в 1960 – 1980-х годах. На русский и другие языки народов бывшего Советского Союза в послевоенные десятилетия и вплоть до 1991 года было переведено около тысячи книг эстонских писателей (из них на русский – более половины), общий тираж которых составлял свыше 30 миллионов экземпляров. Книги эстонских писателей, особенно Ю. Смуула, Э. Ветемаа, Я. Кросса, Э. Бэжман и других, знали и читали далеко за пределами республики.

Перевод на русский язык (в советское время) стал для многих произведений эстонской литературы каналом для более широкого международного распространения, так как из-за сравнительно малой известности эстонского языка передача информации об эстонской литературе, и сами переводы ее произведений на другие языки нередко осуществлялись через посредство русского.

Заметим, что история становления и развития словесного искусства эстонского народа особенно богата опытом пребывания в составе различных – не только межлитературных, но и культурно-языковых – межнациональных общностей. Это привело отнюдь не к нивелировке национального своеобразия эстонской литературы и растворению в культуре сопредельных этносов, а скорее, наоборот – к обогащению ее потенциала и расширению миропонимания. Как известно, по своему происхождению словесное искусство эстонского народа принадлежит к финно-угорской этнолингвистической общности, что не только нашло выражение в его фольклоре и

древней мифологии, но и наложило печать на многие явления его современной культуры (хоровую музыку В. Тормиса, живопись К. Пыллу, книги путешествий и этнографические фильмы Л. Мери и т.п.). Принадлежность к международной ганзейской общности XIV – XVI вв. оставила не стираемые временем следы в архитектуре эстонских городов, особенно Старого Таллинна, ставшего ныне неотъемлемой частью своеобразия эстонской культуры. Нахождение в течение длительного времени (в общей сложности с XIII по XIX век) в сфере охвата немецкоязычной языково-культурной общности привело к тому, что само зарождение книгопечатания и развитие сначала духовной, а затем и светской литературы на эстонском языке неотрывно от немецких образцов, а появление оригинальной национальной литературы (начиная с Ф. Р. Фельмана и Ф. Р. Крейцвальда) состоялось, благодаря влияниям прибалтийско-немецких просветителей и германских романтиков, как результат диалектического взаимодействия учебы у них и выхода из-под давления многовекового «культурного пресса» немецких феодалов и церковников.

Контекст начавшей формироваться с середины XIX века прибалтийской культурной общности сыграл немаловажную роль в становлении национального самосознания народов Балтии, особенно в периоды подъема их национального движения как в XIX, так и в XX столетиях, обуславливая типологически сходные тенденции в новейшей истории развития их литератур. Пребывание в составе царской России не только принесло эстонцам опыт русификации, но и содействовало их приобщению к гуманистическим и эстетическим богатствам русской литературы. Своеобразие путей развития эстонской литературы обуславливается и тем, что, находясь на пограничье культур Запада и Востока Европы, она нередко оказывалась на пересечении разнообразных влияний – как культурно-языковых и религиозных, так и собственно литературно-эстетических.

Сегодня все более актуальным становится и вопрос о конкурентоспособности эстонской культуры в целом и литературы в контексте объединенной Европы. На наш взгляд, для этого она должна обладать по крайней мере четырьмя качествами: ярко выраженным национальным своеобразием; соответствием современному европейскому эстетическому уровню; наличием в ней произведений общечеловеческого философского звучания (как, например, историческая проза Я. Кросса) и хорошими переводами на наиболее распространенные европейские языки (в том числе и на русский). И для того чтобы ее знали, читали, переводили, понимали и исследовали (не только на родине, но и за ее пределами), отнюдь не лишним представляется нам учет того положительного опыта, что был накоплен ею в контексте бывшей общесоюзной межлитературной общности – особенно в деле перевода, популяризации, распространения и международного осмысления эстонской литературы. Хочется при этом надеяться, что связи эстонской литературы, активизирующиеся в последнее время в «западном направлении», вновь обретут и «восточное измерение», для чего требуется взаимная заинтересованность в их развитии как в Эстонии, так и в России и других постсоветских государствах.

Одним из самых известных писателей Эстонии является Энн Ветемаа. Его творчество знакомо и русскому читателю.

Его первое произведение «Монумент» было переведено на русский язык и напечатано в «Дружбе народов» (1966), а в 1977 году театр «Современник» инсценировал роман. Главного героя Свена Вооре играл Константин Райкин.

В своих новейших прозаических опытах Ветемаа уже не придерживается жанра «маленького романа». В историческом романе «Ristirahvas» («Люди крещеный»), действие которого происходит в XIV в., Ветемаа стремится к традиционной большой форме. Сегодняшний Ветемаа – совсем не тот, которого русский читатель помнит по его работам 20-и или 30-летней давности. Но «современного» Ветемаа переводят мало.

Второй пик интереса к прозе Ветемаа выпал на 1980 – 1990-е гг. и был вызван его книгой с несколько необычным названием: «Полевой определитель эстонских русалок». Научнообразная форма книги отчасти идет от натуры самого писателя, который всегда испытывал интерес к исследованиям, к точности и определенности результата. Несколько вещей позднего Ветемаа построено именно на этом.

«Полевой определитель эстонских русалок» возник, вероятно, не только в результате поиска новых тем и фабул, но и в результате стремления уйти от действительности, которая становилась все неприятнее и все однообразнее. В ней можно было бы найти материал хоть на дюжину «маленьких романов» с героями, охотно идущими на нравственный компромисс (пристойный псевдоним подлых поступков) и оправдывающимися тем, что время такое.

«Полевой определитель...» – это и юмористическая книга, и вполне серьезный труд, в который включены фольклорные произведения, записанные исследователями в эстонских селах. Классификация русалок, предложенная Ветемаа, с одной стороны, вполне научна по форме:

«Отряд РУСАЛОЧЬИ, NAIADOMORPHA

I. Семейство ПРЕКРАСНОВЛАСЫЕ, Euplocamidae

1. Род златовласка, Aurikomata

1) плаксивая златовласка, или сентименталка, Auricomata flebilis.

2. Род льновласка, Lanicomata

2) шаловливая льновласка, Lanicomata hilaris

3. Род зеленовласка, Viridiosa

3) зеленоглавая кокетка, Viridiosa irritans» [3].

С другой стороны, книгу пронизывает тонкий юмор. К фантастическим персонажам писатель относится как к существующим в природе, сдвигая границу между реальным и мифологическим миром: «Русалки находились тогда в незаслуженной опале, им было предъявлено суровое обвинение в небытии, причем одновременно было сочтено возможным инкриминировать им паразитический образ жизни и уклонение от общественно полезного труда. Достойным осуждения был признан и тот факт, что причастность русалок к исторической борьбе трудящихся за свободу была минимальной (к сожалению, это соответствует истине); имело место проявление индифферентности со стороны русалок и при создании рыболовецких колхозов. Приходится признать, что русалки не были великими борцами, –

впрочем, от таких робких и нежных существ трудно этого ожидать. Не требуем же мы от соловья поведения, присущего кречету...» [3].

Пародирует Ветемаа и казенную заботу об экологии, сводившуюся к победным рапортам: «Теперь, наконец, стало ясно, что все русалки являются природным и культурным наследием, романтическими памятниками, и в полной мере заслуживают быть взятыми под охрану. В последние годы наша культурная политика носила русалкодружественный характер, многое сделано для предотвращения загрязнения водоемов, поскольку запакошенные воды стали представлять опасность для народных русалкобогатств Советской страны» [3].

Книга была переведена на несколько европейских языков. Примечательно германское издание: переплет был сделан из тонкого сукна (такое идет на офицерские шинели бундесвера; как считает сам писатель, на ощупь оно напоминает кожу русалки). Оформлена книжка под научное издание начала XX века: снабжена гравюрами в стиле Доре и совершенно фантастической картой Эстонии, на которой Тарту нет вообще, Хаапсалу смещено к югу, город Палдинский определен куда-то на острова и т.д. Шутка оформителей вполне соответствует психологической структуре взаимоотношений, устанавливающихся между текстом Ветемаа и читателем, который становится соавтором.

Подход Ветемаа к мистике, его манера смешивать мотивы мистические и гротескно-сатирические не исчерпываются данной книгой. Есть у него повесть «Пришелец», которая к русскому читателю пришла довольно поздно; А. Томберг перевел ее уже в нынешнем тысячелетии, и журнал «Звезда» напечатал в конце 2002 года. По жанру это произведение близко к фэнтэзи. Поначалу кажется, будто Ветемаа стремится предложить мрачную интерпретацию не то Евангелия, не то фольклорных сюжетов о герое-избраннике. Его Пришелец является посторонним и в том смысле, что пришел в мир людей как бы извне: его еще младенцем нашли в сугробе. Да и смотрительница музея, которая пристально следила за одним из посетителей, рассказывает: «Сугробы несли его на себе! <...> Просто уму непостижимо! И когда я пошла было за ним, то провалилась по колено, вот тебе крест, а он шествовал по рыхлому снегу, точно Иисус по воде, почти следов не оставляя. До чего же, видно, у него легкая поступь. Не знаю, в чем тут дело...» [4, с. 89].

Автор дает подробную предысторию героя. Обнаружив малыша в снегу, «предохраняя от холода, его положили в миниатюрный спальный мешок на птичьем пуху. А тот, в свою очередь, находился в необыкновенно скроенном чехле из черной чисто шерстяной ткани, напоминающей накидку с подбоем, между прочим, винно-красного цвета. У этого диковинного облачения, создающего ритуальное впечатление, был также капюшон, закрывающий почти все лицо. Да, но это еще не все – в пленках обнаружили письмецо. ... В письме содержалась просьба холить и лелеять мальчика, посвятить в таинства музыки и разных наук, ознакомить по возможности со всем хорошим и плохим в мире, чтобы он об этом знал больше тех, кто столь неожиданным и даже рискованным образом доверил его попечению землян» [4, с. 100].

Такая предыстория заставляет видеть в Пришельце мессию. И в самом деле: молодой человек наделен некоторыми сверхъестественными

способностями: он без труда удаляет ведьмовскую шерстку со спины девицы легкого поведения, именуемой Магдалиной (!). Он, очевидно, действуя по принципу «Мне отмщение и Аз воздам», берет на себя функции Высшего Судии и уничтожает отца девушки, омерзительного Себастьяна, доносчика, сводника и кровосмесителя.

Возможно, эту повесть следует считать парафразом Легенды о Великом Инквизиторе. Точнее, антипарафразом, потому что вершащий справедливость оказывается на нижнем уровне, уровне частной жизни, на уровне верхнем, социальном, Пришелец находится полностью под влиянием мифов, на которых держится его отечество – государство с тоталитарным режимом. Для героя же это государство благоденствия. Сразу возникают аналогии с героем известного романа Е. Замятина «Мы». В «Пришельце» царит культ избранничества государства и его президента – Его Величества Моноцетти. Правда, вполне возможно, что самого Моноцетти как такового не существует, что он кукла, марионетка, которую можно видеть только издали. Герой влюблен в своего президента. И этот патриотизм в конце концов вознаграждается.

Герой-Пришелец, ласково прозванный коллегами Фа-Соль, выполняет ответственную работу: «Мы заглянули в то самое учреждение, где ретивые садовники освобождают недужные виноградные лозы от усохших плетей – труд, в необходимости которого, естественно, нет ни малейших сомнений. В мрачную пору Средневековья подобные обязанности выпадали на долю палачей – людей, облаченных в черное и окруженных мистическим ореолом. Публичные эшафоты, ревущие толпы тоже не соответствуют более духу времени. Неизмеримо привлекательнее лишиться опоры под ногами со звуками именно тебе предназначенных ре-бемолой или фа-диезов, внутренне отдавшись музыке. <...> И тут стоит обратить внимание на заслуги нашего молодого человека, великолепного органиста. Нелегкую ему приходилось исполнять должность, нелегкую, но крайне необходимую и в некотором роде пастырскую» [4, с. 148–149]. Вместо того чтобы отправить мессию на смерть, Великий Инквизитор включил его в состав инквизиции.

Одной из центральных в повести является проблема света и тьмы, добра и зла – извечная проблема, волнующая человечество и нашедшая отражение в большом количестве художественных произведений. Вспомним диалог Воланда и Левия Матвея из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где Воланд произносит принципиально значимые для понимания авторской позиции слова: «Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?» [1, с. 363]. Та же мысль красной нитью проходит и в повести Ветемаа «Пришелец». По мысли автора, «грань между добром и злом столь призрачна и столь трудно распознаваема» [4, с. 98]. Он пишет: «В теоретическом плане добро и зло полярны (тут девушка наверняка кивнула в знак согласия), без одного невозможно охватить другое, не говоря уже о целом. Ведь не объяв целого, никак не познать мира и населяющих его существ. А познать надо обязательно. Познать и изменить» [4, с. 98]. Как и булгаковский Иешуа Га-Ноцри, герой Ветемаа считает, что люди от природы добрые. И когда Магдалина кидает в него камни, он оправдывает ее, говоря,

что темные силы в этот момент на время завладели ею. Таким образом, повесть Ветемаа «Пришелец» поднимает общечеловеческие, философские проблемы, и автор вместе с читателями ищет ответы на извечные вопросы. Эта повесть, пожалуй, одно из самых ярких произведений Ветемаа последних лет.

Последнее крупное прозаическое произведение Ветемаа – роман «Моя очень сладкая жизнь, или Марципановый мастер» [2]. Книга, как всегда у Ветемаа, иронична и, вопреки своему названию, горька. Главный герой – человек, которому скоро исполнится 70 лет. Он жил еще в довоенной Эстонской Республике, при немецкой оккупации, при советской власти, живет при восстановленной независимости. На героя в детстве оказал огромное влияние его дед. Он владел марципановой фабрикой, обещал внуку оставить ее в наследство. Пристрастие к марципану герой сохранил на всю жизнь. Он становится известным скульптором и обнаруживает, что из марципана можно превосходным образом ваять.

Герой романа – чудак, у которого на визитке написано: «Марципановый скульптор и художник по марципану». И его чудачества позволяют ему существовать при любом строе, не совершая особых подлостей. Более того, даже дав подписку сотрудничать с КГБ, он по своей наивности вместо того, чтобы провоцировать лиц, на которых должен доносить, агитирует их за советскую власть и не скрывает свою связь с органами. Одно лишь плохо: этот человек – конформист. Да, он странен, но не глуп. Он даже умен, но очень доверчив и простодушен. Вот его воспоминание из детства: мальчиком он гуляет по городскому парку Хирве с отцом. Над зданием в глубине парка развевается сине-черно-белый флаг. Из распахнутого окна доносится волевой голос, мальчик видит лицо мужчины в окне – мы догадываемся, что это президент Эстонии. Душа мальчика открывается навстречу голосу и наполняется радостью. Следующая картинка: спустя несколько лет в том же парке, над тем же домом развевается красный флаг со свастикой. Мальчику немного страшно, но сердце его в тревожном биении все-таки открывается и этому символу. Через некоторое время над домом – красный флаг. И новый восторг доверия. Правда, мальчика не принимают в пионеры, поскольку его дедушка из раскулаченных, но герой все равно открыт всему новому и светлому. Наконец, в финале он думает, что если бы взвился над домом в парке зеленый флаг ислама, то, пожалуй, он раскрылся бы навстречу и ему.

Этот марципановый человек обладает сильным инстинктом самосохранения, который позволил ему прожить жизнь, не совершая ни подвигов, ни подлостей. В современных условиях, по мнению автора, оптимальные параметры для выживания имеет человек из пластичного и с виду несерьезного материала. И неспроста этот марципановый человек – скульптор, который ваяет и свою собственную жизнь. Но он ведь способен и изменить окружающую его действительность – хотя бы в собственных творениях. Так и Э. Ветемаа своим творчеством предпринимает попытку изменить серую обыденную жизнь, наполнить ее марципаном.

Таким образом, эстонская литература сегодня продолжает развиваться. Но хочется при этом надеяться, что возобновятся связи эстонской литературы с русской, для чего требуется взаимная заинтересованность в их развитии в Эстонии, в России и других постсоветских государствах.

Список литературы

1. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита [Текст] / М. А. Булгаков. – М. : Художественная литература, 1989. – 381 с.
2. Ветемаа, Э. Моя очень сладкая жизнь, или Марципановый мастер [Текст] / Э. Ветемаа // Звезда. – 2004. – № 11. – С. 85–123.
3. Ветемаа, Э. Полевой определитель эстонских русалок» [Электронный ресурс] / Э. Ветемаа. – Режим доступа: www.e-lib.info/book. – Дата обращения: 12.01. 2013. – Загл. с экрана.
4. Ветемаа, Э. Пришелец [Текст] / Э. Ветемаа // Звезда. – 2002. – № 11. – С. 78–152.

CONTEMPORARY ESTONIAN LITERATURE: CURRENT ISSUES, PROSPECTS AND ARTISTIC PRACTICE

E. N. Vasilieva

Tver State University

The department of international relationship

The author considers the current problems of contemporary Estonian literature and defines its development prospects. Much attention is paid to the influence of Soviet literature in the national literature, in particular Estonia. Speaking of the art practice the author refers to the analysis of a number of works by one of the most famous Estonian authors E. Vetemaa.

Keywords: *multinational Soviet literature, globalization, commercialization, culture of the West and the East, Estonian literature.*

Об авторах:

ВАСИЛЬЕВА Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: vasilieva-elnik@yandex.ru